

Наши поздравления!
Алексею Платоновичу ДАВЫДОВУ – 75!

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ В НАУКЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ.
К ТИПОЛОГИИ МЕНТАЛЬНОСТИ**
Статья 1

А.П. ДАВЫДОВ

В предлагаемой статье главным героем является социокультурный тип, т.е. некоторая способность менталитета человека формировать смыслы. Я выделяю характеристики этой способности, ее структуру и анализирую идею перехода одного типа в другой.

Почему это важно? Я исхожу из того, что демократические реформы в России застопорились и что, в конечном итоге, не правильные программы модернизаторов решают судьбу реформ, а ментальность элит, населения. В данной статье предпринимается попытка сделать менталитет человека, его когнитивную способность предметом социокультурного исследования.

Я с осторожностью отношусь к социологии Эмиля Дюркгейма и поддерживаю социологический романтизм Габриэля Тарда (1843–1904), который считает, что «социология по существу тождественна “интерпсихологии”»¹. С еще большим энтузиазмом я приветствую призыв Бруно Латура, который предлагает изучать не социальные группы, классы, высших, низших и т.д., а самого человека, человеческую реальность — пусть не системность этой реальности и с трудом вписывается в существующие социологические схемы².

Предлагаемый мной подход к социологическому знанию опирается на представление Г.В.Ф. Гегеля о трехсубъектности в греческой концепции единства и борьбы противоположностей. Три субъекта, которые предполагает этот подход — это полюса мышления плюс межполюсная середина, которая не только является посредником между полюсами, но, во-первых, несет смысл всеобщего и, во-вторых, имеет самостоятельный, отличный полюсов смысл, и, следовательно, независимое от полюсов социальное значение³. Эта концепция середины опирается также на представление Питирима Сорокина о межстадиальных переходах динамики культуры⁴, на представление А. Ахиезера о расколе в России между культурой и обществом⁵ и на представления об эволюции культуры, срединоспособности социального, о логике инверсии и медиации (от *medianum* — лат. середина; *mediation* — англ. поиск середины, медиация) в мышлении, которые разрабатывались А. Ахиезером, А. Пелипенко⁶ и мной⁷ последние 25 лет. Она находится в одном русле с предложением С.А. Кравченко создать «сетевую модель собственно

креативного человеческого капитала, которая имеет гуманистический фундамент и адекватна реалиям сложного социума»⁸.

В рамках заявленного мною социокультурного подхода я пытаюсь установить некоторую типологию ментальности и, соответственно, определить субъекта эволюции культуры через социокультурные типы.

Изучение социальной структуры общества: как перейти от материалистического критерия к социокультурному?

Когда М. Вебер, «расколдовывая мир» и развивая социологию К. Маркса и Г. Риккерта, выделял группы людей по степени их 1) благосостояния, 2) близости к власти и 3) социальному статусу, он имел в виду, что эти характеристики позволят выявить социальные слои, которые в той или иной степени могут влиять на принятие в обществе решений. Конечно, обеспеченный и статусный человек, гораздо больше, чем нищий и нестатусный, может влиять на решения, принимаемые властью, и одновременно оказывать влияние на поддержку этих решений массовым сознанием. Такова была реальность, с которой работал Вебер. Но сегодня ситуация существенно иная.

В нынешней российской социологии жесткий материализм трехчленного подхода не способен к глубоким оценкам мышления и поведения людей, групп. Сегодня мы не можем через эту «трехчленку» объяснить, почему люди не проголосовали за кого-либо на выборах, почему они не идут на выборы или почему в стране уровень доверия к власти в России, падая, приближается к 30%, а уровень доверия возглавляющего эту власть президента, поднимаясь, достиг заоблачных высот и т.д. Некоторые наши исследования говорят о том, что средний класс в России не является стабильным основанием российского общества. Тем не менее, обобщая эти данные, мы, как мантру, повторяем, что является. Надо отказаться от двойных стандартов.

Материалистическое объяснение логики мышления и поведения людей необходимо, но надо отказаться от его абсолютизации. *Надо найти социокультурную альтернативу марксистско-веберовской материалистической стратификации общества.*

Для этого я предлагаю пойти вслед за историей культуры и выделить три основных социокультурных типа. Условно их можно было бы назвать:

- «родовой индивид» («мифоритуальный субъект догосударственной эпохи», субъект большой семьи, патриархальной общины (К.Г. Юнг, А. Пелипенко, И. Яковенко⁹), не путать с «индивидуумом» как субъектом гуманистической эпохи);
- «осевой логоцентрик» («логоцентрик» (Ж. Деррида, М. Фуко, Л. Сиксус, М. Можейко¹⁰, А. Пелипенко¹¹), «инверсионный субъект» осевой эпохи (А. Ахиезер)) и
- «личность» («медиационный субъект» гуманистической эпохи (А. Ахиезер, А. Давыдов)).

Эти типы родились в разные культурные эпохи. Но если сейчас положить русского человека под социокультурный/социоментальный микроскоп, то мы увидим, что они никуда не исчезли, они в нас, россиянах XXI в., в той или иной степени, в той или иной форме они сохранились в сознании каждого из нас.

Устаревая и вырождающаяся в атавизмы, и мифоритуализм, и логоцентризм не умерли, а, пребывая в самых сокровенных, темных подвалах бессознательного, они иногда актуализируются и выступают как социоментальный/социокультурный фактор архаизации социального. Социоментальное в моей интерпретации — это одна из расшифровок социокультурного.

Итак, свое объяснение социокультурного подхода к изучению российского общества я начинаю с гипотезы о трех социокультурных типах.

Родовой индивид

Основная ментальная характеристика родового индивида — мифоритуальный — распространена в российской науке. Название «мифоритуальный индивид» стало популярным благодаря изучению специалистами работ К.Г. Юнга — введенных им понятий «архетип», «коллективное бессознательное», «мифоритуальное», «индивид».

Родовой мифоритуальный индивид формировался в эпоху палеолита и как культурная доминанта дожил до позднего неолита, примерно до порога II—I тыс. до н. э., т.е. до начала осевой (по Карлу Ясперсу) (логоцентрической) эпохи. Дальнейшие века стали периодом поэтапного ослабления мифоритуальной доминанты в сознании людей и затем утраты ее социокультурного значения.

По определению А. Тульпе (2007) «мифоритуальная модель мира — не теоретическая концепция, соответствующая реальности, а приемлемое для жизни представление, которое отождествляется с представляемым. Ее “фантастичность” не снижает ее прагматической ценности, так как для архаического человека важнее не научная адекватность модели миру, а “комфортная” приспособленность мира (мир упорядочен, ясен, предсказуем) его потребностям, в том числе, психическим. Архаическое мышление — своего рода операционная система с “корневым каталогом”, классификатор, действующий на основе непрерывающихся дуальных операций»¹². С социокультурной точки зрения миф опирается на гностическую доминанту в мышлении (И.Г. Яковенко)¹³ и на этой основе всегда является программой, направленной на ликвидацию конфликта, предотвращение отпадения от тотема, на синкретическое слияние с ним по принципу «все во всем»¹⁴. «Радиус доверия» мифоритуального индивида, выражающийся в его способности отождествлять себя с другими членами общества, сопереживать, радоваться успехам другого и огорчаться, когда удача

от него отворачивается, минимален. В большинстве отсталых стран радиус доверия ограничен, как правило, семейным кругом. Все, что находится за пределами семьи, обычно вызывает чувство безразличия и даже враждебности»¹⁵.

Способ мифоритуального мышления (мифоритуальной деятельности, принятия решений, опираясь на мифы) сегодня в России не доминирует, хотя и не прекращает попыток использовать общественные ресурсы, в том числе и демократические, для восстановления былого величия. Основная черта этого культурного типа — спасение себя от травматического влияния оппонирующих смыслов в «правильно» выстраиваемых и непротиворечиво переживаемых им оппозициях¹⁶.

Системообразующим основанием культуры мифоритуального индивида и устойчивым алгоритмом его мышления является *миф*. Это мышление, согласно изучавшему современные первобытные племена антропологу Л. Леви-Брюлю, непротиворечиво, некритично, эмоционально. Мифоритуальный индивид мыслит в основном пралогично и чувственно-конкретно, т.е. правым полушарием. Истина мифа, по К. Леви-Стросу, покоится на том свойстве, каким обладают все коды именно в качестве кодов, будучи взаимно конвертируемыми. Мифоритуальный индивид почти не реагирует на логические противоречия, он обладает слабой рефлексивностью, неспособен строить основания для самоизменения и формирования новых абстракций. Мифологизм пронизывает все составляющие культурных оснований его мышления. Эти составляющие представляют собой локальные мини-целостности, которые сопряжены друг с другом и с человеком мифологической ассоциативностью. Не только образ пера Жар-птицы, но и мифология, льющаяся на телезрителя с экрана телевизора — способны порождать в мифоритуальном сознании вполне реальную действительность, которую индивид зримо ощущает и в которой готов жить и умирать. Это совершенно естественная логика выживания статичного мифоритуального сознания в условиях рационализации и нарастающей динамики гуманистической культуры.

Социолог, директор Левада-центра Лев Гудков сообщает, что в последних социологических опросах на вопросы, чем гордятся россияне, большинство опрошенных ответили, что они гордятся, в основном, 1) победой в войне против фашистской Германии в 1945 г., 2) достижениями России в космосе, 3) размерами российской территории и 4) ее богатейшими природными ресурсами. Все четыре вида гордости свидетельствуют: большинство россиян гордятся величием России. Вот некоторые из следствий этого обобщения: победу в войне организовала власть, достижения в космосе тоже организовала власть, успешно охраняет огромную территорию власть и осваивать недра способна только власть. Но вот ведь парадокс: одновременно, на вопрос социологов — чего более всего стыдятся россияне? — большинство опрошенных от-

ветили, что более всего им стыдно за то, что, живя в великой и богатой стране, они пребывают в нищете, убожестве, хамстве, т.е. испытывают чувство ежедневного унижения из-за зависимости от власти¹⁷. О чем, кроме интересных фактов, говорят результаты этого теста? Большинство опрошенных россиян не может адекватно оценить противоречие между величием, богатством своей родины и своим унижительным положением в ней. А это значит, что в терминах моего исследования опрошенное большинство, мысля мифами и ритуалами, не способно адекватно реагировать на возникающие противоречия, не чувствительно к ним. Почему?

Мифоритуальная ментальность непротиворечива, принципиально нерасчленима, *однополюсна*¹⁸. Она представляет собой примитивный набор социокультурных программ, снимающий все противоречия через слияние с родом, обычаем в целях выживания. При этом когнитивность этого набора, нацеленная на адаптацию к окружающей среде и видовую специализацию, может быть очень сложной, но эта сложность не ведет к эволюционному успеху, потому что не является результатом способности изменяться. «Я» родового индивида всегда Мы-подобно. В нем отсутствует способность к внутреннему диалогу и рефлексии.

Этот архаичный тип может быть измерен, эксплицирован количественной социологией. Почему? Потому что мифоритуальный однополюсный индивид поддерживает не реального президента, а *миф* о президенте, который он выстроил в своем сознании. Почему однополюсный менталитет с готовностью создает и поддерживает мифы? Потому что однополюсность — это по определению нерасчленимая, т.е. мифическая цельность, и она, как цельность, может выжить, лишь опираясь на по определению нерасчленимую, т.е. мифическую, мифологическую ценность.

Осевой логоцентрик

Осевой логоцентрик — это человек, мыслящий ценностями Добра и Зла и сводящий все свои суждения к базовому дуализму.

Как социоментальная доминанта иудео-христианской культуры логоцентризм функционирует в осевую эпоху — в период между началом I тыс. до н. э. и Английской буржуазной революцией (XVII в.), т.е. до условного конца европейского Средневековья. Возникновение логоцентрика — это ответ на кризис мифоритуальной культуры. В отличие от мифоритуального индивида логоцентрик мыслит глобально, не локальными мирками, явлениями, а рационально организованными целостностями. Главная ценность логоцентрика — Абсолют (природно-космический, духовный, социальный), который соотносим с представлением о Должном. Смысл жизни логоцентрика — служение духовному Абсолюту. Логоцентрик в рамках новой парадигмы «всеобщее (Абсолют — “Аз есмь”) — единичное (человек — “Аз есмь червь, а

не человек”)» выстраивает строгие логические связи мифологического характера. Монизм духовного Абсолюта никогда не преодолевает до конца свои дуалистические основания. Скрытый дуализм логоцентрического монизма¹⁹ проблематизирует бытие логоцентрика, делает его тревожным, напряженным, трагическим, часто воинственным. Логоцентрик, чтобы снять это напряжение, постоянно ориентирован на борьбу с Иным, с неправильными людьми: с внутренним врагом, с классовым врагом, с предателями, с пятой колонной. Он остро переживает противоречия и спасение от них видит не в своем способе мышления, а в беспощадной, часто параноидальной борьбе до победного конца с Мировым злом, в готовности разрушить «все до основания, а затем»... строить новую осевую конструкцию. Близость к власти и социальная статусность человека обеспечивают ему участие в принятии властью судьбоносных (для логоцентрических социумов) решений. Он — агрессивный манихей, мыслящий черно-белыми клише, формулой «свой — чужой», его Истина всегда метафизична.

Когда мы говорим о логоцентрике как о типе, нам сразу же в голову приходит вопрос: почему русские люди, виня во всех своих бедах чиновников, никогда не включают в число виноватых первое лицо государства — будь то царь или президент? Экономическое положение в России в 2010 — 2016 гг. ухудшалось, а рейтинг президента рос, достигнув 2016 г., согласно социологическим опросам, 86%. Почему? Это работает логоцентрическая культурная традиция, имеющая глубокие культурные корни. «Царя подменили», «царь не настоящий» — одна из традиционных реакций логоцентрического сознания в России на попытки реформ и стремление выявить причины катастроф. Поэтому, например, одной из причин нарастания революционной ситуации в России, вступившей в Первую мировую войну (1914 — 1918), был распространившийся в русской армии слух о предательстве: планы Верховного командования страны были переданы русской царицей (немкой) Германии, и поэтому запланированное наступление русских войск провалилось. Слух о предательстве на сакральном уровне («царь не настоящий») стал одной из причин того, что русские солдаты целыми подразделениями уходили с германского фронта и затем, привлеченные большевистскими лозунгами о рабоче-крестьянском царстве божьем на земле, вступали в Красную армию. Для логоцентрика полюса соборно-авторитарной вертикали являются сакральными. А все, что подрывает этот сакральный дуализм — от Дьявола.

Двуполюсный логоцентрик инверсионно мечется между старым и еще более старым, выдавая его за новое. Он не хочет знать третьих смыслов, игнорирует смыслоформирующую межполюсную середину. Он, как и мифоритуальный индивид, мыслит мифологически и чувственно-конкретно, т.е., в основном, правым полушарием. Однако он способен расчленять смыслы и конструировать мифологические

объекты, к которым готов экзистенциально природниться. В качестве ближайших примеров можно сказать о некоторых законах, принятых нашей Государственной думой, о том, как работают наши суды. Но создание таких частных мифологических объектов может оказаться средством, не достаточным для того, чтобы снять внутреннее напряжение воинственного логоцентрика, и тогда у него может родиться немотивированная на первый взгляд разрушительная жестокость.

Откуда логоцентрик черпает нравственные ресурсы для проведения в жизнь своей концепции бытия?

Через логоцентрика и его духовного Абсолюта культура окончательно отделилась от своих природных оснований. Фронт противоречий стал проходить отнюдь не между природой и культурой, как пишет, например, В.А. Ядов в некоторых своих работах — он переместился внутрь культуры и стал проходить между Добром и Злом, Должным и Сущим, Священной потусторонностью и профанной посюсторонностью, Богом и Дьяволом, морально разложившимся и постоянно обманывающим нас Западом и нами, белыми и пушистыми, между западной личностью и нашей соборно-авторитарной общностью, а полем битвы между ними (Злом) и нами (Добром) является душа человека (вспомним Ф.М. Достоевского). Отсюда цель: не способность измениться, чтобы получить реальное развитие, а эсхатологическая концепция выживания — спасения того, что есть.

Когнитивность осевого логоцентрика как способность к умственному восприятию и переработке внешней информации всегда этична. Он отказывается выстраивать онтологии вне соотнесения с полюсами Добра и Зла. Для логоцентрика время растворилось в извечно пребывающем Должном. Абсолютизация дуализма — основная черта и ментальности логоцентрика, и выстраиваемой им картины мира.

Этот тип также, на мой взгляд, может быть измерен, эксплицирован количественной социологией. И я уверен: мы увидим, что вторую значительную часть поддержки нашего президента составляют осевые инверсионные логоцентрики, мыслящие соборно-авторитарными стереотипами. Почему? Потому что они поддерживают «нашего» Абсолюта, способного разрешить любое противоречие на основании смысла «нашего» Добра.

Выдвигаю гипотезу: мифоритуальные и логоцентрические инверсионные социоментальные типы до сих пор составляют подавляющее большинство населения не только нашей страны, но и всего мира.

Личность

Личность в условиях России я понимаю через способность индивидуума освободиться от засилья в себе исторически сложившихся стереотипов культуры — мифоритуальных и логоцентрических. Например, если все «знают», а индивидуум этого «не знает» (нравственную модель такого «незнания» демонстрирует, например, Григорий Мелехов

в романе «Тихий Дон», не знавший, к кому примкнуть — к белым или к красным, но в конце концов не примкнувший ни к тем, ни к другим и принявший третье решение), демонстрируя, в конечном счете, независимость от этой дуальности, он личность. Если индивидуум через себя предлагает новые социокультурные синтезы, отвергая абсолютность старых, общепринятых, он личность. Если индивидуум способен «поставить на кон» свою жизнь — «а все-таки она вертится» — ради того, чтобы отстоять новое представление об истине, он личность.

Элементы идеи личности в мировой культуре возникли еще до нашей эры. Но личностная ментальная доминанта как мировое социокультурное явление победила пока только в странах Запада, начиная с XVII–XVIII вв. Сегодня это полтора десятка стран, «золотой миллиард» и около половины мирового ВВП — немало. Но надо признать, что идея человека как личности, т.е. ищущей новую меру своей независимости от исторически сложившейся культуры, довольно быстро распространяется по всему миру, разрушая родовые доминанты в общественном сознании. Появление идеи личности, как и появление логоцентрика, обусловлено общеэволюционной логикой, формирующей все более сложные и все более автономные культурные формы. Мышление личности *трехполюсно* и медиационно.

Что такое медиация?

Тернарное мышление, ставя и решая проблемы, уже не мечется, как мышление логоцентрика, между полюсами в поисках метафизической истины, лишь перекодируя полюса и игнорируя смыслоформирующую середину. Оно ищет решение через рациональное формирование новых, альтернативных, третьих смыслов, т.е. через межполюсное движение мысли, социокультурную инновацию, медиацию.

Чистых типов медиативных личностей поначалу не было. Люди создавали личностные программы, но ставили их на службу логоцентрическим идеалам своей эпохи (в России, например, М.М. Сперанский, П.А. Столыпин, в какой-то степени поздний А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов — пишущий стихи поэт как выдающаяся личность²⁰ и воюющий на Кавказе командир карательного отряда как воинственный логоцентрик²¹). Они лишь начинали создавать традицию воспроизводства медиации в инверсионной соборно-авторитарной культуре, их отторгающей. Они были маргиналами в своей культуре, несмотря на свой огромный авторитет. Жертвами выдающихся людей усеян медиационный путь личности в России (обратимся хотя бы к судьбе русских писателей и деятелей искусства).

Итак, личность медиационна, гуманистична — в ее способности к гуманистической медиации ее основная черта. Как мыслит медиационный субъект-личность?

1. Основная черта медиационной личности — способность изменяться. Медиационный субъект-личность изменяет свою ментальность:

мужественно отказывается от мышления абсолютами и вводит себя в сложную, опасную, противоречивую «сферу между» собой и миром, пытаясь осмыслить себя-нового. Критикуя мир и свои представления о нем, он на своем собственном основании создает новые, альтернативные, третьи смыслы. При этом он преодолевает две опасности: 1) начать мыслить другими абсолютами и 2) отпасть от одних смыслов, оказаться не способным создать новые, т.е., по классическому определению Н.В. Гоголя, превратиться в субъекта «ни то, ни се» или застрять в «сфере между», например, в «окне в Европу» и, по образному выражению Ю.А. Левады, стать «камнем, лежащим на пути течения воды».

2. В «сфере между» медиационный субъект-личность расчленяет исторически сложившиеся смыслы. Отбирая у древнего Абсолюта генерализующие позиции и возвращая себе свою субъективность, он расчленяет его синкретическое всеединство на модусы — на составные части его существования, формируя их через свои когнитивные способности и этические предпочтения. Из божественной субстанции (из Абсолюта) он создает целый спектр конкретных субстанциальных сущностей и соответствующих им дискурсов: свободу, веру, доверие, разум, науку, самоорганизацию, любовь, красоту, добродетель, личность, общество и т.д. Отказываясь от генеральной оппозиции «Бог (духовный Абсолют) — человек», внутри каждого из указанных дискурсов он устанавливает свою собственную генерализующую оппозицию. Устанавливая в рамках этой оппозиции конкретный принцип, он соотносит его с конкретной противоположностью.

3. В «сфере между» медиационный субъект-личность изменяет модальность своей деятельности — переходит от субъект-объектной модальности к рефлексивной. Он переходит от улучшения обслуживания своих целей и потребностей к изменению своих целей и потребностей. От вопросов: каков мир, в котором он действует? и каковы требования мира к нему? он переходит к вопросу: каковы его претензии к самому себе?

4. В «сфере между» медиационный субъект-личность мыслит противоречиями. Его единственная цель — саморазвитие и развитие мира для себя. Но развитие осуществляется только через постоянное формирование и преодоление противоречий. Поэтому медиационный субъект соглашается жить в создаваемом им противоречивом мире. Это тяжело, подчас трагично. Но таков удел личности (Пелипенко).

Через систему своих ценностей: 1) медиацию, 2) трехполюсность, 3) научную конкретность полимодусного мышления, 4) способность изменяться, т.е. самокритичную рефлексивную модальность своей деятельности и 5) нацеленность на формирование и преодоление противоречий в себе через себя постоянно обновляющегося — личность отрицает и осевого логоцентрика, и мифоритуального индивида. Поэтому основное противоречие эпохи личности из смыслового простран-

ства «между» Абсолютом и человеком перемещается в «сферу между» логоцентриком и личностью.

Не Абсолют, не община, не государство и не церковь, а личность в силу нового уровня своей независимости от культуры и способности к медиации становится реальным субъектом гуманистической эпохи культурной эволюции.

Социокультурные типы как объект внимания социологов

Итак, в ментальности человека мы находим три базовых социокультурных типа: 1) однополюсный слаборефлексирующий, старающийся избегать противоречий гностический мифоритуальный индивид; 2) двупольный инверсионный осевой логоцентрик, мыслящий представлениями о Добре и Зле, которые, как оказывается, легко меняются местами, и 3) трехполюсная медиационная, полимодусная, самокритичная личность, преодолевающая внутренние противоречия через поиск третьих решений на своем собственном основании.

Что происходит с личностью, когда она включает все свои медиационные качества? Личность повышает свою срединоспособность. *Через усиление способности быть личностью, т.е. более через свою срединоспособность, чем через 1) близость к власти, 2) увеличение доходов и 3) повышение социального статуса человек начинает чувствовать себя принадлежащим к среднему классу — такова социокультурная стратегия середины и такова социокультурная (социоментальная) альтернатива марксистско-веберовской стратификации общества.*

Каковы границы предлагаемых социокультурных типов? Их можно определить через логику их кризисов.

1. Кризис мифоритуального субъекта-индивида возникает, когда он исчерпывает свою способность к наслоению нового социального материала на мифологическое по генезису культурное ядро, хотя и продолжает претендовать на организующую позицию в социуме. Кризис наступает, когда доминирующая ценность мифоритуального индивида — общинность социального — перестает принимать значимое участие в формировании общества.

2. Кризис инверсионного субъекта — осевого логоцентрика наступает, когда божественный Абсолют теряет свои генерализующие позиции и древнее Должное перестает насиловать нацеленное на самообновление социальное Сущее. Это происходит, когда традиционное Должное, имитируя заинтересованность в развитии социального, начинает задавать обществу вопросы типа: «Можем ли мы идти в никуда как можно быстрее?», а в обществе наступает понимание тупика и осознание необходимости личностно-гражданской альтернативы логоцентризму.

3. Кризис медиационного субъекта-личности наступает, когда личность лишается необходимого ей уровня свободы и утрачивает свои медиационные качества. Этот кризис происходит, когда затеянная

личностью модернизация перестает быть медиацией, потому что реальная модернизация — это всегда медиация, а если она не медиация, то она — профанация. Кризис личности происходит, когда разрушается общественный договор и в обществе начинает доминировать сговор — противоправный союз власти с одной частью общества в ущерб другой ее части.

А теперь я отвечаю на вопрос, который мне часто задают. Могут ли указанные мной социокультурные типы переходить друг в друга или между ними китайская стена?

Могут ли социокультурные типы переходить друг в друга?

Вопрос не простой. Все три типа, о которых я говорил, сидят в нас — людях XXI в. Они никуда не делись, несмотря ни на какие исторические события. Вопрос только в том, что доминирует. Соотношение доминанты и компоненты — это вопрос, который сегодня все более переходит из рук историков, философов и культурологов в руки социологов. Но оставим его пока в стороне.

Давайте обратим внимание на то, как общаются в России между собой жесткий логоцентрик-чиновник, служащий начальству, и предприниматель, служащий только своему предпринимательскому Я, и которого по одному этому критерию, хотя одного критерия скорее всего не достаточно, можно в первом приближении именовать личностью. Президент РФ В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию 3 декабря 2015 г. сообщает, что за 2014 год следственными органами страны возбуждено почти 200 тыс. уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 тыс., еще 15 тыс. развалилось в суде. Приговором закончились лишь 15% дел. При этом абсолютное большинство, 83% предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. «То есть их “попрессовали”, обобрали и отпустили. Это, конечно, не то, что нам нужно с точки зрения делового климата. Это прямое разрушение делового климата. Я прошу следственные органы и прокуратуру обратить на это особое внимание», — потребовал Президент²². Разве это не пример того, что между логоцентриком и личностью в России — стена и что диалог между ними — это проблема, от решения которой зависит способность страны развиваться?

И тем не менее я совершенно не согласен с теми учеными, которые считают, что социокультурные типы не способны к диалогу и не переходят друг в друга. Действительно, так было в догуманистические эпохи, но сегодня ситуация изменилась. Наиболее распространенный вопрос, который задают эти ученые: куда делись неандертальцы, когда в ареале их проживания появились кроманьонцы? И отвечают: вторые съели первых. И в моих терминах их вывод звучит примерно так: индивиды, в менталитете которых доминируют мифоритуальные

и полярное мышление, должны умереть, логоцентрические культуры (империи, халифаты, диктаторские режимы), так же как и сохранившиеся первобытные племена, в которых базовая социальная структура — община, в гуманистическую эпоху обречены на изоляцию, вымирание, исчезновение. А если эти культуры-уроды слишком зажились в нашем цивилизованном мире, им надо помочь уйти.

Но есть и другая точка зрения.

Ф.М. Достоевский — глубочайший аналитик характера русского человека — считает, что менталитет человека и тесно связанная с ним его идентичность — вещь многослойная, многополюсная, что человек, в моих терминах, может быть и мифоритуальным индивидом, и логоцентриком, и одновременно пытаться представить себя личностью. Вот как говорит о себе подпольный человек Достоевского как о личности, опираясь на свое право выбора: «Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоит и связываться; но в таком случае ведь и я вам могу тем же ответить. Мы рассуждаем серьезно; а не хотите меня удостоить вашим вниманием, так ведь кланяться не буду. У меня есть подполье»²³.

У личности есть неличностное подполье, которое сохранилось из родовой культуры. Потребность и способность спрятаться в родовую скорлупу, в подполье никуда из личности не ушла, подполье есть у нее на всякий случай, на случай опасности, на случай, когда личность не слышат или у нее отбирают свободу. Это открытие Достоевского говорит о том, что ментальность многополюсна и человек может переходить из одной своей идентичности в другую, отказываться от одной социокультурной доминанты в пользу другой.

Работает ли это открытие Достоевского в условиях нынешней глобализации идеалов? Да, работает. Еще более, чем во времена Достоевского.

Сегодня глобализация идеалов может оказывать сильное влияние на выбор человеком своей идентичности и главное — на смену социокультурных доминант. В условиях появления новых доминант нам надо обратить внимание на то, как наш мозг реагирует на внешние факторы, как под влиянием глобализации внешних идеалов рождаются в нас внутренние противоречия, потому что переход в нас одного ментального типа в другой, в конечном итоге, зависит от того, как мы преодолеваем наши внутренние противоречия, от функции межполушарной асимметрии нашего мозга. Активизация левого полушария, т.е. повышение способности человека дробить синкретические смыслы, самокритично анализировать свои решения и затем выстраивать новые синтезы с помощью правого полушария обеспечивает ментальности переход к любой новой самоидентификации. А от самоидентификации до формирования идентичности — рукой подать.

Таким образом, инструмент изменения идентичности у нас есть. Он, прав Достоевский, — в нас и зависит только от нашей воли и способностей. И сейчас, когда государство располагает огромными возможностями помогать человеку работать над своими способностями, а общество может целенаправленно воспитывать его — в этих условиях человек может перейти из одного социокультурного типа в другой за одно-два-три поколения, а то и за считанные годы.

Отсюда вывод: 1) в мире нарастает левополушарная потребность к расчленению исторически сложившихся родовых мифоритуальных и логоцентрических культурных смыслов и 2) быстро растет правополушарная потребность создавать новые социокультурные синтезы через политическую конкуренцию элит за право доминировать в социальной политике общества, чтобы оказывать решающее влияние на воспитание людей, особенно молодежи.

* * *

Итак, нужны новые технологии осмысления логики эволюции культуры. И предлагаемая в статье схема изучения социокультурных типов — родового индивида, осевого логоцентрика и личности — претендует на то, чтобы сдвинуть центр исследований социальной структуры общества с марксистско-веберианской материалистической стратификации на социокультурную.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гофман А.Б. Тард Габриель // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 2003. С. 619.

² См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской под ред. С. Гавриленко. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

³ См.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. — М.: Мысль, 1999. С. 763–767.

⁴ См.: Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В.В. Сапова. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2000; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. С. 444, 467, 469, 481, 492.

⁵ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2008.

⁶ См.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. — М.: Языки славянской культуры, 1998; Пелипенко А.А. Постигание культуры. Часть 1. Культура и смысл. — М.: РОССПЭН, 2012.

⁷ См.: Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. — М.: Мысль, 2012; Давыдов А.П. Картинки с выставки середины. — М.: Стратегия, 2014.

⁸ См.: Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». Востребованность гуманистического поворота. — М.: МГИМО, 2015. С. 246.

⁹ См.: Пелипенко А., Яковенко И. Культура как система. С. 275–277.

¹⁰ См.: Можейко М.А. Логоцентризм // История философии. Энциклопедия. – Минск, 2002. С. 568–569.

¹¹ См.: Пелипенко А. Глобальный кризис и судьбы Запада. – М.: Знание, 2014.

¹² Тульпе И.А. Коллективное бессознательное в контексте мифоритуального мышления // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. – Санкт-Петербург, 7–10 февраля 2007 г. / сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. С. 207.

¹³ Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды российской цивилизации. – М.: Русский путь, 2011.

¹⁴ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурный словарь. Т. III. – М.: Философское общество СССР, 1991. С. 192–193; см. также: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурный словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Т. II. Теория и методология. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 278–279.

¹⁵ Кончаловский А. Помоги себе сам // Искусство кино. № 10. Октябрь 2015. – URL: <http://kinoart.ru/archive/2010/10/n10-article3>

¹⁶ См.: Пелипенко А.А. Глобальный кризис и судьбы Запада.

¹⁷ Гудков Л. Готово ли российское общество к переменам? 22.01.2016. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2016/1697126-echo/>

¹⁸ Нынешнее представление об однополюсности мышления мифоритуального индивида не следует понимать буквально. Мышление этого культурного типа неявно дуально и скрыто двуполюсно. Но его принципиальная нечувствительность к противоречиям позволяет интерпретировать мышление и особенно социальное поведение этого типа в социокультурном смысле как относительно однополюсное. Это, однако, не исключает в его бессознательном мерцающей фоновой двуполюсности, которая неспособна проявиться в родовом менталитете как доминанта.

¹⁹ Подробно об этом см.: Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012. С. 21–36.

²⁰ См.: Давыдов А.П. Поверить Лермонтову. – М.; Алматы: Рондо, 2006.

²¹ См.: Афанасьев В.В. Лермонтов (Серия ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 1991. Автор (монах Лазарь) как церковный писатель непрофессионально и некачественно анализирует поэзию Лермонтова, решая свои ведомственные задачи, но приводит факты о военных годах поэта, к которым стоит приглядеться.

²² URL: <http://ria.ru/politics/20151203/1334940862.html>

²³ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 5. – Л.: Наука, 1973. С. 120.

REFERENCES

Akhiezer A. Russia: criticism of historical experience. Socio-cultural Vocabulary. Vol. III. Moscow, Philosophic society of the USSR, 1990. 472 p. (in Russian).

Akhiezer A. Russia: criticism of historical experience. Socio-cultural Vocabulary. 2nd edition. Vol. II. Theory and methodology. Novosibirsk, Syberian Khronograph, 1998. 600 p. (in Russian).

Hegel G.W.F. Science of Logic. Moscow, 1999. 1072 p. (Russian trans.).

Davydov A.P. Nonpolitical liberalism in Russia. Moscow, 2012. 644 p. (in Russian).

Davydov A.P. Trust Lermontov. Moscow, Almaty, 2006. 408 p. (in Russian).

Dostoevsky F.M. Letters from underground. In: Dostoevsky F.M. Complete Collection of Works in 30 volumes. Vol. 5. Leningrad, 1973, pp. 99-179 (in Russian).

Kravchenko S.A. Sociological Knowledge via pryzma of «arrow of time». Moscow, 2015. 344 p. (in Russian).

Mozheiko M.A. Logocentrism. In: History of philosophy. Encyclopedia. Minsk, 2002. pp. 568-569 (in Russian).

Pelipenko A.A. Global crisis and fait of the West. Moscow, 2014. 224p. (in Russian).

Pelipenko A.A., Yakovenko I.G. Culture as a system. Moscow, 1998. 376 p. (in Russian).

Yakovenko I., Musikantski A. Manichaeism and Gnosticism: cultural codes of Russian civilization. Moscow, 2013. 320 p. (in Russian).

Аннотация

В статье предлагается перенести центр изучения социальной структуры общества с материалистического критерия на социокультурный. Предлагаются к рассмотрению три основных социокультурных типа менталитета современного человека: родовой индивид, осевой логоцентризм и личность. Выявляется их ментальное содержание. Утверждается, что эти типы могут переходить друг в друга. Предполагается, что только через новую стратификацию можно адекватно объяснить логику эволюции культуры в условиях глобализации идеалов.

Ключевые слова: мифоритуальный индивид, род, логоцентризм, личность, социокультурный, менталитет, стратификация общества.

Summary

The article suggests that the center of study of social structure of society should be shifted from materialistic criteria to sociocultural. It gives three basic socio-cultural types in mentality of a modern man: clan individ, logocentric and person, and investigates their mental contents. The author There claims that these types can transit into each other and that the logic of cultural evolution under conditions of ideal's globalization just via the new stratification can be properly explained.

Keywords: mythos-ritual individ, clan, logocentric, person, sociocultural, mentality, stratification of society.